

законная дѣла, о душе моя, и почудися, како ты земля носитъ, како не разсѣдєся!³⁵ В оригинале: Βλέψον σου τὰ παράνομα ἔργα, ᾧ ψυχῇ μου, καὶ θαύμασον, πῶς σε λῆ, βασιλεύει, καὶ σκηπτὸς οὐ φλέγει.³⁶ Для восприятия и сопереживания этот перевод был, видимо, доходчивей, чем, например, мало кому понятный в условиях древнего Новгорода образ в каноне Афанасию Александрийскому, ученом творении Феофана, где притягательная сила личности святителя сравнивается с действием магнита: ὡς μαγνήτις εἴλας ἀπαντας³⁷, акы магнетъ прикляцааше кса³⁸. Необъяснимая магнитная сила пленяла воображение, существовал кельтский фольклорный мотив магнитной горы, притягивающий к себе корабли³⁹, но в славянских текстах это — первый случай упоминания магнита, к тому же современный появлению компаса в морской практике.

В первые века славянской письменности, когда формировалась лексика семантического поля силы и определялось место, своего, исконного слова *сила* в новой системе заимствованной натурфилософии или теологии, ст.-слав. сила имеет, подобно греч. δύναμις, и такое — не последнее по важности — значение как 'чудо'⁴⁰.

В. Э. Орел

К ГИПОТЕЗЕ О ФРАКИЙСКИХ РЕЛИКТАХ В БОЛГАРСКОЙ АПЕЛЛАТИВНОЙ ЛЕКСИКЕ

Послевоенные фракологические исследования (особенно интенсивные с конца 50-х годов) привели языковедов к вопросу о том, как и в каких формах отразился в болгарском языке контакт дакийских и фракийских племен с пришедшими на Балканский полуостров в VI в. носителями праславянских диалектов. В настоящей работе мы оставляем в стороне как те грамматические явления, которые могут так или иначе быть поставлены в связь (пусть даже косвенную) с этим языковым контактом¹, так и те многочисленные

³⁵ Оксех, ч. 2. Берлин, 1904, с. 638.

³⁶ *Folia H. Initia hymnorum*, v. I. Città del Vaticano, 1960, с. 233.

³⁷ Μνήμιον τοῦ Ἱακωβαρίου. Ἐν Ἀθήναις, 1904, с. 226.

³⁸ Ягоская Минея XI/XII в. ЦГАДА, фонд 381, № 99, л. 71.

³⁹ *Have W. Vom Imram zur Aventure-Fahrt*. — In: *Wolfram-Studien*. Hrsg. von W. Schröder. Berlin, 1970, S. 297.

⁴⁰ О δύναμις обстоятелен филологический комментарий в кн.: *Evangile de Pierre*, par M. G. Mara. Paris, 1973, p. 132—140. Ср.: *Kolenkow Anitra Bingham. A Problem of Power: How Miracle Doers Counter Charges of Magic in the Hellenistic World*. — In: *Society of Biblical Literature. Seminar Papers*. Chicago, 1976, p. 105—110.

¹ К этим явлениям обычно причисляются те, которые имеют общеполканский характер (постпозитивный артикль), а также те, которые изолируют болгарский от других славянских языков (утрата именного склонения).

топонимы и гидронимы на территории Болгарии, фракийское происхождение которых было убедительно показано в ряде исследований², и обратимся только к одному, довольно скромному по объему, аспекту проблемы: к апеллативной лексике болгарского языка, имеющей предположительно фракийское происхождение.

Наличие в болгарской топонимике обширного фракийского слоя вообще говоря еще не означает логической необходимости апеллативных фракийских вкраплений в болгарском словаре. Это лишь одна из возможностей (ср. иллирийскую проблему), и ее проверка в конечном счете определяет приемлемые решения относительно характера лингвистических (и этнолингвистических) фрако-славянских (resp. болгарских) связей.

В первых монографических исследованиях В. Георгиева, посвященных этой проблематике³, в качестве прямых фракийских заимствований в болгарский было приведено сравнительно много слов, в большинстве своем весьма уязвимых и заслуживающих критического отношения⁴. Ряд лексем из этого списка, в который входили болг. *балта*, *ватаф*, *газя*, *грив*, *гъна/гудя*, *заек*, *карна*, *катерица/катеря се*, *кацна/кацвам*, *рид*, *рипам*, *рофея/руфя*⁵, со временем получил иную, более убедительную интерпретацию. Так, скажем, для болг. диал. *заек* выявились несомненные преимущества старой этимологии (вторично от слав. **zajęsь*, ср. рус. *зайка*)⁶ при том, что сравнивавшееся с ним фрак. ЛИ *Zaiха*, *Σαιχοξ*, *Saecus*, *Zeces*, *Secus*⁷ имеет иные связи

Однако говорить о прямой связи этих процессов с фракийским языковым влиянием едва ли возможно. В лучшем случае, следуя за С. Б. Бернштейном, здесь можно допустить косвенную связь (см. Доклады и сообщения Института языкознания. М., 1956, т. 9, с. 130 сл.), обусловленную, вероятно, тенденцией к интерференционному упрощению; ср. типологически сходную утрату инфинитива.

² Ср.: *Осъм* < фрак. *Asamus* < **ak(a)mo-*, *Янтра* < фрак. **ἄτρος* < **ētro-*, **ētru-*, *Тимок* < фрак. *Timachus* < **tam-ak^{wa}* и многие другие примеры этого рода, итоговую сводку которых с комментарием см.: *Георгиев В.* Исследования по сравнительно-историческому языкознанию. М., 1958, с. 116, 130 сл. (далее — *Георгиев. Исследования*); *Он же.* Траките и техният език. София, 1977, с. 244—252 (далее — *Георгиев. Траките*). Некоторые важные топонимы, однако, по-прежнему объясняются неудовлетворительно, ср. *Варна*, толкувавшееся как фракизм **varna* < **wornā* 'черная' (*Георгиев В.* Въпроси на българската этимология. София, 1958, с. 37; далее — *Георгиев. Въпроси*) и как сохранение «ст.-болг. **varnъ*» (БЕР I, с. 121); ни то, ни другое, впрочем, никак не объясняет отсутствие метатезы плавных (ср. еще маловероятное объяснение, безусловно, однако, в формально-этимологическом плане: *Варна* < **varna* от **variti*. — *Роровиц I.* Geschichte der serbokroatischen Sprache. Wiesbaden, 1960, S. 167).

³ См.: *Георгиев. Въпроси*; *Он же.* Българска этимология и ономастика. София, 1960.

⁴ Ошибочность ряда этимологий признал сам автор в своей итоговой работе (*Георгиев. Траките*, с. 253, прим. 1).

⁵ Сюда же болг. *кляк*, которое Георгиев выводит из фрак. **klūk* < и.-е. **ǵ^hng-* ~ греч. γάλα и под. (см.: *Георгиев В.* Griech. γάλα, lat. lac und bulg. (thrak.) *kljuk* 'Milch'. — IF, 1976, Bd. 81, S. 67—69).

⁶ См.: *Младенов С.* История на българския език. София, 1979, с. 154—155.

⁷ См.: *Георгиев. Исследования*; с. 120, 132; *Он же. Въпроси*, с. 45.

в древнеевропейской языковой области⁸; для болг. *балта* и *карпа* определенно можно говорить о позднем заимствовании из албанского (алб. *baltë* и *karpë*, продолжающие и.-е. **bhol(ə)tā*⁹ и **korpā*) или, для первого из них, через посредство рум. *baltă*¹⁰; для болг. *газя* О. Н. Трубачевым предложена убедительная этимологическая трактовка, основанная на инославянских соответствиях (в частности, блр. *газ* 'брод')¹¹.

В своей последней работе¹² Георгиев продолжает отстаивать фракийское происхождение следующих болгарских слов: *грив*, *катеря се*, *катерица*, диал. *рофея*, *руфя*. Эти слова, имеющие утвердившуюся репутацию фракизмов, мы и подвергнем здесь подробному критическому рассмотрению.

1. Болг. *грив*

Болг. *грив* 'серый, пестрый' не стоит изолированно, но имеет соответствия в других балканских языках: рум. *griv* 'пестрый, с белыми пятнами', *grivă* 'собака с черными и белыми пятнами', алб. *grivë* 'пепельного цвета' (о животных)¹³, новогреч. γρίβος 'сероватый', γρίβας 'конь серой масти'.

Согласно Георгиеву¹⁴, это слово принадлежит к фракийскому субстрату и восходит к и.-е. **g^hhrēwos*, реконструируемому на

⁸ См.: *Detschew D. Die thrakischen Sprachreste*. Wien, 1957, S. 172 (там же приводятся довольно сомнительные этрусские параллели: *secu(ne)*, *sectraš*). Ср. древнекельтские ЛИ *Saecillus*, *Sec(c)ius*, *Sec(c)us* (*Holder A. Altceltischer Sprachschatz*, Bd. 2. Graz, 1961, S. 1283, 1423—1425).

⁹ Иногда алб. *baltë*, рум. *baltă* считаются (без достаточных оснований) ранними заимствованиями из славянского. Из последних работ в пользу этой точки зрения см.: *Duridanov I. Zur Bestimmung der ältesten slavischen Entlehnungen im Albanischen*. — *Akten des internationalen albanologischen Kolloquiums*. — Innsbruck, 1977, S. 688—696.

¹⁰ См. верную трактовку *балта*: БЕР I, с. 54, где, однако, ошибочно считается, что *балта* может быть только из румынского, а не из албанского.

¹¹ См.: *Трубачев О. Н. Наблюдения по этимологии лексических локализмов (Славянские этимологии 48—52)*. — *Этимология*. 1972. М., 1974, с. 22—27; ЭССЯ VI, с. 113. Уже Попович, считая предположение Георгиева фонетически безупречным, оговаривается, однако, что «по географическим соображениям оно маловероятно» (*Porović I. Op. cit.*, S. 17).

Лингвогеографические характеристики снижают вероятность и некоторых других фракийских этимологий Георгиева.

¹² *Георгиев*. Траките, с. 253—255.

¹³ У Георгиева (*Георгиев*. Траките, с. 253) эта форма не учтена. Нельзя полностью исключать, что сюда относится и алб. *grifshë* 'сорока' (БЕР I, с. 280), которое, однако, сопоставляется и с романскими формами (франц. *grive* 'дрозд' и под., см. *Meyer*, S. 130). Исходя из внутралбанских сопоставлений, но малоубедительно трактует это слово Чабей: *Çabej E. Studime gjuhësore. Prishtinë, 1976, t. I, с. 214* сл. Один раз у этого слова заведительствовано значение 'гриф' (Краткий албанско-русский словарь. Сост. Кочи Р. Д., Косталлари А. и Скенди Д. И. М., 1951, с. 147). Если это значение не фиктивно, следует, отказавшись от приведенных выше толкований, выводить *grifshë* из лат. *gryps* 'гриф' (как *kofshë* 'бедро' < лат. *coxa* но же через стадию **kopsa*).

¹⁴ *Георгиев*. Траките, с. 253; см. еще: БЕР I, с. 280—281. Впервые та же этимология — *Георгиев*. Въпроси, с. 37.

основе лат. *ravus* 'серый; серожелтый' (о животном — волке, льве) и герм. **grēwaz*: др.-исл. *grár*, д.-в.-н. *grāo*, *grāwer*, др.-фриз. *grē*, др.-англ. *gré* 'серый'¹⁵. Предполагаемый фракийский архетип **grēvos* в позднефракийском должен был, согласно Георгиеву, преобразоваться в **grivos*¹⁶, откуда и засвидетельствованные в балканских языках формы.

Эта этимология не может не вызвать возражений, так как опирается на ряд недостоверных предположений («позднефракийское» развитие $\bar{e} > i$, отсутствие данного слова в глоссах и ономастике.) С другой стороны, эта этимология предложена в качестве альтернативы иного, на наш взгляд, более убедительного толкования, выводящего «балканское» *griv-* из восточногерм. (гот.) **grīwā* 'серый', родственного указанным выше формам, продолжающим герм. **grēwaz*¹⁷. Можно возразить на это, указав, что и соответствующая германская форма не засвидетельствована, подобно фракийской. Дело, однако, в том, что в отличие от фракийской она восстанавливается на основе сопоставления родственных лексем одной языковой группы и с учетом реально фиксированного в готском (и шире — в восточногерманском) позднего перехода * $\bar{e} > i$ (параллельно с * $\bar{o} > \bar{u}$): так уже у Вульфилы *birusjos* 'родители' (Luc. 2, 41) вместо *berusjos*. Однако едва ли не важнее в данном случае соображения семантического и историко-культурного характера.

Как известно, один из рефлексов (франкский) герм. **grēwaz* был заимствован в вульгарную латынь как наименование лошадиной масти (ту же функцию он выполнял и в германском); ср. франц., прованс., катал. *gris*¹⁸, в ряду других названий мастей¹⁹. Весьма вероятно, что именно в этом специальном значении было заимствовано в балканские языки и восточногерманское слово, что полностью подтверждается, кстати, репертуаром значений балканских лексем, прежде всего, разумеется, новогреч. γρίβας

¹⁵ См. например: The Oxford Dictionary of English Etymology. Ed. by Onions C. T. Oxford, 1978, (далее — ODEE).

¹⁶ См.: Георгиев. Траките, с. 165, где тезис о переходе \bar{e} в i в позднефракийском подтверждается примерами ζίλαι, ζειλά=ζήλας 'вино' и *Pulpudeva* > *Пльпудивъ*, что, конечно, никак не свидетельствует в пользу «позднего» i по сравнению с более «ранним» \bar{e} (η). Мему η ~ \bar{e} : ~ в ζήλας (есть и форма ζηλάς) правильнее объяснять закономерным неразличением в более поздних греческих передачах. Дакийск. Γρίβο сюда не относится, см.: *Duridanov I. Die thrakisch- und dakisch-baltischen Sprachbeziehungen. Sofia, 1969, S. 25—26.*

¹⁷ Младенов, с. 110.

¹⁸ См. *Meyer-Lübke*³, N 3873.

¹⁹ Ср. (старо)франц., прованс. *blanc*, исп. *blanco*, португ. *branco*, итал. *bianco* 'белый' из герм. **blaykaz* (д.-в.-н. *blanc* 'белый', др.-англ. *blanca*, 'конь', др.-исл. *blakkr* 'серый (о лошади)' — ODEE, p. 98); франц., прованс. *brun*, итал. *bruno* 'коричневый', из герм. **brūnaz* (д.-в.-н. *brūn*, др.-фриз. *brūn*, др.-исл. *brūnn* 'коричневый, темный' — ODEE, p. 121); франц. *fauve*, итал. *falbo*, из герм. **falwaz* (д.-в.-н. *falo*, др.-англ., др.-сакс. *falu*, др.-исл. *folr* 'рыжий, соломенный' — ODEE, p. 343). Подробно см.: *Brüch J. Der Einfluß der germanischen Sprachen auf das Vulgärlatein. Heidelberg, 1913.*

‘конь серой масти’. Не меньшей доказательной силой обладают и другие слова этого ряда, относящиеся к окраске иных животных, поскольку ранние культурные заимствования на Балканах нередко испытывали своего рода «переключение» в новую культурно-семантическую (скотоводческую и/или пастушескую) сферу²⁰. Таким образом, отказавшись от фракийской атрибуции болг. *грив*, надо вернуться к мысли о его заимствовании из восточногерм. **grīwa*, вероятно, через восточнороманское посредство (ср. другие германизмы, связанные с коневодством, в румынском: *nasture* ‘пуговица; лука седла’ < герм. **nastilō*, *strānut* ‘с белой звездочкой’ (о лошади) < герм. **sternō* ‘звезда’ и под.²¹), и рассматривать его в кругу других балканских германизмов²².

II. Болг. *катерица*, *катеря се*

Болг. *катерица* ‘белка’, *катеря се* ‘карабкаться’ не имеет инославянских соответствий. На основе этих слов Георгиев восстанавливает ст.-слав. **катерь* (resp. праслав. **катерь*), в котором он видит продолжение фрак. (или дакомиз.) **kater-* ‘белка’²³. Независимым продолжением фрак. **kater-* считает Георгиев рум. *a se cățură* ‘карабкаться’ (попутно отвергая латинскую этимологию слова из вульг.-лат. *accaptiare*, с чем трудно не согласиться²⁴). Сюда же Георгиев относит и алб. *kë(r)cej* ‘прыгать, плясать’, предполагая для него сложную эволюцию: контаминацию *këc(e)j* < **katj-* и *kërcej* < **katerj-*, якобы соответствующих болг. *кацам* и *катеря се* (*kërcej*, как считает автор этимологии, — это результат метатезы исходного **këcerj-*). Столь сложный путь развития, конечно, не может не вызвать недоверия.

Собственно, этимология фрак. **kater-* из *(*s*)*kōk-ter-* ‘скачущее’, на которую опирается Георгиев, предложена еще Младеновым²⁵.

Надо заметить, что некоторые опорные пункты в рассуждении Георгиева строятся на ошибочных этимологических реше-

²⁰ Ср. например, болг. *стопан*, сербохорв. *стопанин*, для которых убедительно восстанавливается значение ‘*praefectus pastoribus*’ (*Skok* III, с. 339), возводимые к иран. *asta-pān-* ‘защитник, покровитель дома’ (*Трубачев О. Н.* Из славяно-иранских лексических отношений. — Этимология. 1965. М., 1967, с. 37). Из того же источника (но не через славянский!) и алб. *shtëpā* ‘сыродел’.

²¹ См.: *Istoria limbii române*, v. II. București, 1969, p. 368f.

²² Альтернативное решение предложено в ЭССЯ VII, с. 130, где дается реконструкция слав. **grivъ(jь)*, основанная, помимо бол. *грив*, на укр. диал. *гривий*: *віця грива* ‘овца темной масти со светлой полоской на шее или светлая овца с более темной полоской на шее’, и соотносенная далее со слав. **glivъ(jь)*, **gliva*. Однако, как следует из контекста, для укр. *гривий* более вероятно предположить адъективацию слав. **griva* (ср. с полоской на шее). В этом случае предлагаемая в ЭССЯ праславянская реконструкция оказывается маловероятной.

²³ См.: *Георгиев*. Вопросы, с. 41—42, *Георгиев*. Трапте, с. 253—255. Осторожнее, но по сути своей в том же духе трактует это слово и БЕР II, с. 272.

²⁴ Так уже см.: *Meyer-Lübke*, N 1662.

²⁵ См.: *Младенов*, с. 233. Разумеется, сама п.-е. этимология имеет здесь, по необходимости, несколько схоластический характер.

ниях. Это прежде всего касается алб. *kërcej* 'прыгать, плясать', которое (вместе с отглагольным именем *kërcim* 'прыжок, танец, хоровод') нельзя отрывать от алб. *kërcû* 'пень, чурбан', убедительно возводимого к **kortjo-* с весьма правдоподобной семантической мотивировкой²⁶, основанной на реконструкции балканского ритуала сжигания пня на рубеже нового года. Сопоставление *kërcej* с *kërcû* служит одновременно и этимологией²⁷, и коррективной того мнения, согласно которому в албанском словаре нет следов мифологического или ритуального значения этого слова²⁸.

Что касается рум. *a se câțără*, то это — несомненное заимствование из болг. *камеря се* (или, менее вероятно, из приводимого ниже албанского слова), сохранившее не только значение, но и некоторые грамматические признаки слова-источника²⁹. Оно никак не связано с алб. *kërcej*. Кроме того, Георгиевым не учтено алб. *ketër, kitër* 'белка', имеющее первостепенное значение для объяснения болгарского слова³⁰. Реконструкция раннеалб. **köter-* позволяет автоматически решить и вопрос о направлении заимствования: если возможна славянская передача раннеалб. **köter-* через позднее праслав. **kater-* и далее > болг. *камер-*, то в обратном случае ожидалось бы алб. *katër* или, в крайнем случае, *ko-tër*³¹ из праслав. **kater-* resp. болг. *камер-*³². Дальнейшая этимология алб. *ketër* < раннеалб. **köter-* может быть принята та же, что предлагалась ранее (< и.-е. *(s)*kōk-ter-*). Таким образом, болг. *камерица, камеря се* являются раннеалбанскими заимствованиями³³.

²⁶ См.: *Çabej E. Crăciun. — Studii și cercetari lingvistice*, XII, 1961; *Idem. Studime gjuhësore. Prishtinë*, 1976, t. I, с. 277—278; *Десницкая А. В.* К вопросу о балканизмах в лексике восточнославянских языков. — Славянское языкознание. VIII Международный съезд славистов. Доклады советской делегации. М., 1978, с. 145—171. — Некоторые детали и литературу см. также: *Топоров В. Н.* Пѣщъв, Ahi Budhnyâ, бадъяк и др. — Этимология. 1974. М., 1976 с. 3—15.

²⁷ Специально отметим, что *këcej* представляет собой вторичную диалектную форму *kërcej*.

²⁸ *Десницкая А. В.* Указ. соч., с. 169. На основе общих соображений о реконструируемом ритуале сюда же надо отнести и *kërcej* 'кричать' (ранее выводилось из слав. **kričati*, см. *Meyer*, S. 189).

²⁹ См. уже: *Meyer-Lübke*, N 1662.

³⁰ Форма албанского слова *с-и-* вторична. Что касается значения, то в диалектах слово обозначает и других мелких животных, например, сою (см.: *Mann S. E. An historical Albanian-English dictionary*. London—New York—Toronto, 1948, p. 191; *Çabej E.* Op. cit., с. 274).

³¹ Последнее было бы возможно, если бы речь шла об очень раннем заимствовании с сохранением долготных противопоставлений в славянском, что, конечно, маловероятно.

³² Неудачной и фонетически, и семантически представляется этимология Чабая (алб. *kitër* < болг. *кута* 'букет, пучок'); *Çabej E.* Op. cit., с. 274.

³³ Некоторые аспекты этой этимологии в связи с допускаемым нами отождествлением раннеалбанского с одним из фракийских диалектов (влекущим за собой признание болг. *камерица* фракийским реликтом, однако, на основаниях, существенно отличных от позиции Георгиева) будут рассмотрены в другой работе.

III. Болг. *рофея*, *руфя*

Болг. *рофея*, *руфя* 'молния' возводится Георгиевым, подобно двум предыдущим словам, к фракийскому источнику, хотя и с несколько большими сомнениями³⁴: для *рофея*, *руфя* допускается и албанское происхождение — из алб. *rrufé* 'гром, молния'.

Помимо параллелей в современных балканских языках (алб. *rrufé*, новогреч. *ρόμφαία* 'большой, широкий меч'), слово засвидетельствовано также в греческих и римских передачах, где оно считается фракийским: *ρόμφαία*-*Θράκιον ἀμυντήριον, ἀχόντιον μακρόν* (Hes). 'фракийское оборонительное оружие, длинный дротик', *rumpia* (Liv. XXXI, 39, 11) 'копье', *romphaea*, *romfea* 'меч'. Этимология фрак. *ρόμφαία* предложена еще В. Томашеком, который (безотносительно к лингвистической атрибуции этого слова) предложил две этимологические версии: к др.-инд. *rambhá* 'палка, подпорка', *rambhiñi* 'копье; букв. имеющий палку, наделенный палкой', восходящим к *rābhate* 'хватать, ловить; начинать' и, с меньшей уверенностью, к и.-е. **ru(m)p-* (лат. *rumpo* 'рвать, ломать' и под., в частности, 'пронзать' — *ferro rumpere* 'пронзать мечом', др.-инд. *lumpāti* 'разрушать, повреждать' и т. п.)³⁵

Однако собственно этимология фрак. *ρόμφαία* имеет для нас второстепенный интерес; важнее верно оценить его соотношение с болг. *рофея*, *руфя*. Вопреки Георгиеву ясно, что болгарские формы не могут продолжать фракийскую: в противном случае (в зависимости от времени заимствования) в болгарском имели бы в корне *-ѣ(м)-* или *-ом-*. Речь, таким образом, может идти только о заимствовании в болгарский из албанского.

Фонетически алб. *rrufé* (> болг. *руфя*) также не может быть объяснено как исконно родственное фрак. *ρόμφαία*, поскольку и.-е. **-om-* давало в албанском иной рефлекс (ср. *dhëmb* 'зуб' < **ġombho-*). Однако *rrufé* объяснимо как заимствование эпохи албано-восточнороманских контактов, когда (под влиянием аналогичного восточнороманского процесса) романские *resp.* романизированные слова в албанском переживали переход *-on-*, *-om-* в *-u-*, ср., например, алб. *kuvënd* 'заседание, речь, разговор, слово',

³⁴ Георгиев. Траките, с. 255.

³⁵ См.: *Tomaschek W.* Die alten Thraker. II, 1, S. 18 (= Sitzungsberichte der Akademie der Wissenschaften in Wien, Bd. 130, H. 2, 1894). Вторая этимология (на которую опирается и Георгиев — Траките, с. 255) представляется нам предпочтительной, причем не только на основании фонетических доводов (и.-е. **bh*, согласно Георгиеву, не могло дать фрак. *φ*; здесь, впрочем, возможны и некоторые контраргументы), но и из семантических соображений. Глагольная семантика и.-е. **rump-* хорошо объясняет появление у производных значения 'меч, копье' и значения 'молния' (← 'разрывающая небо'). Метафора 'стрела, рвущая небо' → 'молния', видимо, была не чужда для фрако-дакийской традиции: ср. истрорум. *saeta* 'громыхать (о громе)' при итал. *saetta* 'стрела' (см. *Tomaschek W.* Op. cit.; ср. также известное место Herod. IV, 94, где говорится о фракийцах, в грозу пускающих стрелы в небо). Некоторые замечания по этимологии слова см. также: *Гиндин Л. А.* Проблемы античной балканистики. Лингвистический аспект. — ВЯ, 1973, № 1, с. 66—67; там же наблюдения общего характера.

рум. *civint* то же из вульг.-лат. *conventum*. Источником алб. *rrufé*, следовательно, была романизированная форма, которая, по счастью, дошла до нас — ср. *romfea* 'меч'.

* * *

Подводя итоги, мы можем сказать, что ни одно из трех болгарских слов, сохранявших до настоящего времени фракийские этимологии, не является фракизмом в обычном, традиционном понимании (*грив* — германизм, попавший в болгарский через восточнороманский или албанский; *катерица* и *руфя* — албанские заимствования, последнее — неясного происхождения в албанском). Если не считать маловероятных гипотез о фонетическом влиянии фракийского субстрата на болгарский звуковой строй, единственным следом пребывания фракийцев на нынешней территории обитания болгар (по данным болгарского языка) окажется в таком случае ономастика фракийского происхождения, ценная сама по себе, но неудовлетворительная как содержательное свидетельство фрако-славянского контакта в этнокультурном аспекте.

Однако в пользу отождествления раннеалбанского языкового состояния с одним из фракийских диалектов говорят, на наш взгляд, многочисленные данные, которые здесь, естественно, трудно перечислить во всей полноте³⁶. Несомненно, важнее других факты восточнороманско-албанских контактов (общие фонетические изменения, общие грамматические инновации и словарный фонд, в том числе так называемые «автохтонные» слова в румынском, значительная доля которых объясняется как албанские заимствования) и апеллативные (ранне)албанские реликты в болгарском (при сравнительно более поздних и продвинутых в формальном плане заимствованиях в сербохорватском). Наконец, определенное значение имеют многочисленные фракийские параллели к албанским апеллативам (о чем — в другом месте).

Таким образом, выявленные в настоящей статье раннеалбанские заимствования в славянский и, с другой стороны, довольно большое количество ранних славянских заимствований в албанский могут трактоваться предположительно как последствия «фрако» (раннеалбанско)-славянского контакта³⁷. Последний, впрочем, составляет предмет не отдельных этимологических этюдов, но этнолингвистического обобщения совокупности этимоло-

³⁶ Некоторые важные аргументы приведены в классической работе Вейганда, суммировавшей предшествующие исследования (*Weigand G. Sind die Albaner Nachkommen der Illyrer oder der Thraker? — Balkanarchiv*, 1927, Bd. 3, S. 277—289) и в ряде работ Йокля (см., в частности: *Jokl N. Albaner. — In: Reallexikon der Vorgeschichte*, 1924, Bd. 1, S. 84—94).

³⁷ О славянских проникновениях в албанский см., в частности: *Десницкая А. В. Славянские заимствования в албанском языке*. М., 1963.

гических данных, предполагающего, в частности, обязательное хронологическое расслоение наличного фонда албано-славянских лексических сходжений³⁸.

В. Д. Бондалетов

ГРЕЧЕСКИЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ В РУССКИХ, УКРАИНСКИХ, БЕЛОРУССКИХ И ПОЛЬСКИХ АРГО

(К проблеме генезиса и контактирования
социальных диалектов славянских языков)

Присутствие слов греческого происхождения в русских арго было замечено почти 200 лет назад, задолго до осмысления арго (условного языка) как особого типа социального диалекта¹. В 1787 г. П. Паллас в предисловии к «Сравнительному словарю» писал: «Что касается до суздальского наречия, то оно есть смешанное частью из произвольных слов, частью из греческих в российский обращенных»². Читатель «Сравнительного словаря» И. Потоцкий привел для примера четыре слова (*кирия* 'рука', *галимо* 'молоко', *гир* 'старик', *митес* 'нос'), которые звучат «как в новогреческом языке»³.

Отдельные наблюдения над грецизмами в составе офенского языка (языка торговцев-офеней Владимирской и других губерний) в XIX в. оставили К. Тихонравов, Шотт, Л. Дифенбах, В. Ягич и некоторые другие.

В начале XX в. появился большой труд М. Р. Фасмера «Греко-славянские этюды»⁴. Из опубликованных к 1906—1909 гг. мате-

³⁸ См.: *Gindin L. A., Kaluzhskaja I. A., Orel V. E.* On the structure of substratum in the Carpathian—Balkan languages. — In: IV-ème Congrès International des Études du Sud-Est Européen. Abrégé des communications et des co-rapports. Ankara, 1979, p. 266.

¹ *Бондалетов В. Д.* Условные языки русских ремесленников и торговцев. Условные языки как особый тип социальных диалектов. С предисл. и под ред. члена-корр. АН СССР Ф. П. Филина. Рязань, 1974.

² *Паллас П.* Сравнительные словари всех языков и наречий, по азбучному порядку расположенные, изд. 1. М., 1787, с. 5. Об арготических словах этого словаря см.: *Бондалетов В. Д.* Арготическая лексика в диалектологических словарях русского языка. — В кн.: Слово в русских народных говорах. Л., 1968; *Он же:* Из истории русских арго (по материалу Словаря П. Палласа). — Совещание по общим вопросам диалектологии и истории языка. Тезисы докладов и сообщений. Баку, 21—24 октября 1975 г. М., 1975;

³ Путешествие графа Ивана Потоцкого в Астрахань и окрестные страны в 1797 г. — Северный архив (СПб), 1828, ч. 31, II, с. 84—85.

⁴ *Фасмер М. Р.* Греко-славянские этюды. III. Греческие заимствования в русском языке. — ИОРЯС, 1909, т. LXXXVI, № 1, (далее — *Фасмер М. Р.* гр.-сл. эт.).